

Евгения Сафонова,
Антонина Крейн,
Софья Ролдугина,
Элиот Лилит,
Джезбел Морган,
Мэй,
Ольга Богатикова,
Анастасия Андрианова,
Лия Арген

ЗАКЛЯТЫЕ МЕТЕЛИ

КОЛЯДКИ ДРУГИХ МИРОВ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-18

Иллюстрация на переплете *Iren Horrors*
Внутренние иллюстрации *Лидии Магоновой*
Дизайн обложки *Кати Петровой*

3-18 **Заляття** метели. Колядки других миров. —
Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-225828-2

Зимы в разных мирах порой весьма похожи. Где-то есть магия, где-то нет, в одних силы зла на подходе, в других зла не видели уже много лет... Как бы там ни было, но снег и чудеса встречаются везде. Авторы импринта «Черным-бело» собрались, чтобы рассказать истории своих миров, познакомить с героями, если вы ещё не знакомы. Если хотите настоящей красоты, местами мрачной, местами лиричной, то вы нашли её источник!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арден А., текст, 2026
© Морган Д., текст, 2026
© Мэй, текст, 2026
© Роддугина С., текст, 2026
© Сафонова Е., текст, 2026
© Крейн А., текст, 2026
© Лилит Э., текст, 2026
© Богатикова О., текст, 2026
© Андрианова А., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225828-2

ЕВГЕНИЯ САФОНОВА

ЙОЛЬСКАЯ ПЕСНЬ

Праздничный рассказ с привидениями

Гэбриэл Форбиден недолюбливал Йоль. Слишком много нечисти, гуляющей по ночам; слишком много тёмных магических ритуалов, которые удобнее всего вершить на повороте Колеса Года; наконец, слишком много праздных аристократов, возмутительно весёлых людей и светских приёмов, от которых невежливо отказываться.

Одним словом, слишком много всего для молодого Инквизитора, который предпочёл бы все тринадцать дней празднования провести дома, с любимой женой. Но если Гэбриэл Форбиден и любил что-то сильнее своей жены, то это работу. А нечисть, пожалуй, вызывала у него больше симпатий, чем скучающие лорды и леди, для которых появление Инквизитора в их гостиных было сродни визиту бродячих циркачей.

Жертва в новом деле, впрочем, казалась немногим приятнее живых мертвецов, да и выглядела не сильно лучше. Но работа есть работа.

ЕВГЕНИЯ САФОНОВА

— Говорю вам, вот уже год как Кэрренс мёртв! — Старый ростовщик свирепо сверкнул глазами из-под седых бровей, до того кустистых, что они походили на кочки, заросшие пушицей. — И всё же стоял передо мной прошлой ночью, как живой!

— Мы поняли, мистер Скрэпер, — терпеливо проговорил Льюис, привычно стоявший по правую руку Гэбриэла. Да он и был его правой рукой — как всякий Охотник, работающий в паре с Инквизитором.

— Вы что, не верите мне?! Я говорю, покойник прямо в мою спальню заявился, а вы стоите с такими лицами, будто это дело совершенно будничное!

— Так и есть, — скучаяще подтвердил Гэбриэл, скользя цепким взором по скудной обстановке конторы ростовщика, погружённой в полумрак. — Я понимаю, что в вашем возрасте немудрёно забывать всякие мелочи, но вы сами обратились за помощью в Инквизицию. Согласитесь, странно, если какие-то призраки-моралисты пугают тех, чья работа состоит в их окончательном упокоении.

Каждая деталь серо-коричневого окружения буквально кричала о слезах, пролитых разорёнными бедняками, и смертной скуке. Где позолоченные свечи в йольских светильниках? Где плетёные корзины с яблоками и пшеничными колосьями? Где украшенное вечнозелёное дерево посреди комнаты, где венки из омелы, остролиста и плюща? Даже огонь в камине, и тот еле тлеет! Не было сомнений, что кладовая не ломилась от запасов сидра, а в холодильном ящике не ждал своего часа сочный окорок. И дело было вовсе не в том, что старик не потру-

ЙОЛЬСКАЯ ПЕСНЬ

дился украсить место работы — жил он здесь же, на втором этаже, а Инквизиторов принимал прямо в шлафроке и ночном колпаке, отчего его долговая сутулая фигура смотрелась ещё комичнее.

Гэбриэл недолюбливал Йоль, но уважал праздничные традиции — и не часто видел, чтобы люди пренебрегали ими с таким показным упорством. А ведь традиции не на пустом месте родились: венки из омелы и остролиста и яркое пламя в очаге защищали дом от нечисти, исправно навещавшей мир людей в ночи на изломе сезонов. Если старик вёл себя так не первый год...

Удивительно, что призраки не заявили к нему раньше.

— Мы не первый раз имеем дело с привидениями, мистер Скрэпер, — торопливо добавил Льюис, заметив, что ростовщик побагровел пуще прежнего. — Стало быть, призрак вашего умершего клерка велел вам раскаяться? В чём именно?

— Во всём! — гаркнул Скрэпер. — В том, что честно даю людям деньги под проценты! В том, что не отмечаю Йоль с племянником, который спит и видит мою могилу и мои сбережения! В том, что заставляю своих клерков работать, как полагается, а не сбегать домой под предлогом праздников! Это был его выбор, жениться и нарожать кучу крикливых спиногрызов, а я, видите ли, должен за это делать поблажки?!

Гневную тираду прервал стук в дверь. За порогом обнаружили два приземистых джентльмена с папками в руках.

— Мистер Скрэпер? Давно не имел удовольствия беседовать с вами, — учтиво поклонившись,

начал один. — В самое тёмное время года нам должно вдвойне проявлять заботу о сырых, нищих и обездоленных, а потому мы проводим сбор пожертвований в пользу...

Следом он заметил гербы Инквизиции на чёрных рукавах — и осёкся.

— Простите, господа, — проговорил старик сухо, — но, трогай меня чужая нужда, я бы не заработал в своей профессии ни гроша. Единственная обездоленность, которая заботит меня, — моя собственная. И даже будь мне хоть малейшее дело до сырых и нищих, нынче я сильно занят.

Дверь снова затворилась, скрыв вытянутые лица несостоявшихся визитёров, которые силились не показывать, что они только рады оставить Скрэпера на растерзание Инквизиции.

— Раскаяться во всём, стало быть, — со вздохом повторил Льюис, царапая карандашом в блокноте и конспектируя сказанное. — Расскажите, что было дальше.

— Он сказал, кто-то жаждет моей смерти! Что ко мне явятся три порождения Дикой Охоты, три ночи подряд, когда пробьёт полночь, и если я не раскаюсь, в Йоль они заберут меня! А потом он ушёл, и в полночь полог у моей кровати отодвинулся, и...

Старик запнулся, и по тому, как посерели его прежде багровые щёки, Гэбриэл безошибочно понял: вот они и добрались до главного.

— Кто это был? — спросил он.

— Тварь. Омерзительная, — прошептал Скрэпер, миглом растеряв всю свою мнимую грозность. — Она менялась ежесекундно: то рука пропадёт, то нога, то

ЙОЛЬСКАЯ ПЕСНЬ

их отрастёт по десять разом, то по двадцать глаз по всему телу распахнётся, то одна голова останется. — *Типичное описание фомора*, подметил Гэбриэл. — Я глядел на неё, а потом вдруг... Я больше не видел ни её, ни своей спальни, я был в местах, где я рос и мужал, и... наблюдал множество вещей.

— Каких? — безжалостно уточнил Гэбриэл, когда старик смолк, жуя губами застойный воздух и стеклянными глазами уставившись в стену.

— Которые делали больно, — выплюнул тот. — Кое-что хорошее. Но больше плохого. самого плохого. За всю мою жизнь.

В дверь снова робко постучали. Скрэпер рванул дверь на себя, на чём свет стоит ругая проклятых попрошаек и колядующих, но от Гэбриэла не укрылось — старик счастлив, что их беседу прервали. Ещё бы: Скрэпер явно привык делать всё, чтобы никто не заподозрил существование у него такого презренного уязвимого органа, как сердце.

Запах снега и свежесть, прорвавшаяся с порывом морозного ветра, развеяли обжившуюся внутри затхлость. Щуплый мальчонка в залатанной курточке во все глаза уставился на ростовщика, Инквизитора и Охотника, встречавших его за порогом.

— Здравствуйте, — подал он тоненький голосок, опустив одну руку и неуверенно дёрнув другой, на перевязи. — А где братец Генри? Матушка беспокоится...

— Сегодня не до тебя, паршивец мелкий! — гаркнул Скрэпер, ничуть не растроганный ни перевязью, ни курткой не по размеру, ни торчащими из-под шапки рыжими кудряшками и огромными

глазами на худеньком лице. — Видишь, Инквизиция в доме?

— Всё в порядке, — подала голос Морган, выплывая из чулана вместе с юным клерком, которого она допрашивала. — Мы с Генри как раз закончили. Он может идти... если, конечно, вы не планировали оставить его сегодня под своей крышей, мистер Скрэпер.

Мальчонка уставился на Морган: треть любопытства, треть испуга, треть заворожённости. Места для радости, что рядом с Морган идёт его потерянный брат, уже не осталось.

Белые локоны, светившиеся на контрасте с аскетичным тёмным нарядом, васильковая кожа, круглые очки на остром носу, пальцы вдвое длиннее нормы и юбка в пол, не касающаяся земли, — при виде баньши и взрослые обычно терялись, чего ожидать от ребёнка. Клерк Скрэпера на Морган косился примерно с тем же выражением, даром что справил уже семнадцатый день рождения, а не девятый.

— Малыш Тоби! — воскликнул Генри, наконец разглядев пришельца на пороге. — Каникулы ведь, что ты здесь делаешь?

— Другей проведывал. А матушка снова волнуется, что ты с работы ночью пойдёшь. Совсем как папенька когда-то... — Мальчик сердито стрельнул в сторону Скрэпера голубыми, как незабудки, глазами.

— И правда, час поздний, — поддакнул Льюис, — а мальчуганам ещё до дома добираться. Не ровён час повстречают Дикую Охоту или кого другого...

— Проваливайте, — буркнул старик, — коль Инквизиция вас отпускает.

ЙОЛЬСКАЯ ПЕСНЬ

Генри, румяный и веснушчатый, как абрикос, торопливо облачился в заношенное суконное пальто и скрыл апельсиновые кудри под потрёпанной шляпой:

— Идём, Тоби.

Гэбриэл через окно проводил взглядом две фигурки, длинную и маленькую, соединённые переплетением рук. Два лица, детское и почти взрослое, обратились друг к другу, обменялись улыбками и смехом, которым не было места в безрадостной обители ростовщика. Маги-фонарщики уже успели зажечь в столице уличные огни, лавки фруктов, битой птицы и колониальных товаров — закрыться, но в ландэнском Сити было ещё людно: все попрячутся по домам чуть позже, ближе к полуночи. Пока же уходящие мальчишки смешались с праздничной толпой, среди которой мелькнул зловещий серый силуэт с лошадиным черепом вместо головы — Мари Луид, Серая Кляча, готовая стучать в двери и выпрашивать зель и угощение. Обряд уэльских колядок добрался до столицы несколько лет назад и с каждым годом становился всё популярнее.

— А потом я проснулся в своей постели. Под вечер уже, почти весь день проспал, — буднично закончил старик, будто их разговор не прерывали. — Тварь ушла, но придёт другая, призрак мне обещал. Потому я за вами и послал.

— Оставьте нас ненадолго? — обратился Гэбриэл к ростовщику, перехватив выразительный взгляд Морган. — Мы с коллегами должны посоветоваться.

— Вы же меня не оставите? Не уйдёте никуда? Сегодня вторая тварь явится, вы должны меня защитить!

— Не беспокойтесь, мистер Скрэпер, — улыбнулся Льюис с обаянием, свойственным человеку, который большую часть жизни потратил на ленивые словесные перепалки и флирт с юными леди на семейных приёмах. — *Officium nostrum est adiuuare*¹.

Латынь, видимо, произвела на старого скрягу впечатление, и он безропотно побрёл вверх по лестнице шаркающей походкой.

— Я нашла причину его бед, — когда шарканье стихло наверху, изрекла Морган, серьёзная, как всегда. Кто-то сказал бы, что она слишком серьёзна для леди восемнадцати лет от роду... но, как и всякая баньши, Морган была воскресшим мертворождённым ребёнком, а такие дети рано начинали взрослеть и печалиться. — Там. На камине.

В их маленькой команде они честно делили обязанности: Саймон Льюис — маг и Охотник на нечисть; Гэбриэл Форбиден — стрелок и Инквизитор, борец с магами-отступниками; Виктория Морган — анатом, лекарь и криминарий, изучающий места преступлений. Когда им приходилось исследовать трупы, Морган делала вскрытие; когда до трупа дело ещё не дошло — оценивала, как скоро может прийти. Баньши видели отмеренный людям срок, и, хотя не могли рассказывать об этом кому-либо (нарушение запрета грозило потерей дара и скорой гибелью), Гэбриэл научился считывать открывшееся Морган знание по её реакции.

Скрэперу не грозила близкая смерть. И это не значило, что им не следует вмешиваться. Старика

---

¹ Наш долг — помогать (лат.).

ЙОЛЬСКАЯ ПЕСНЯ

могут забрать живьём — не как жертву Охоты, а как одного из её новых слуг. Да и Великая Госпожа, владычица судеб, умела мрачно шутить: если старый ростовщик и выпутается из этой передраги, то наверняка лишь стараниями Инквизиции.

— Видите? — Подплыв к одной из стен, Морган постучала тонким паучьим пальцем по голландскому кафелю, которым обложили старинный камин. Отзываясь на касание избранницы Великой Госпожи, на плитке на миг полыхнула призрачная паутинка рун, облепивших характерный символ трискелиона. — Знак призыва. Кто-то пригласил в этот дом фоморов из Дикой Охоты.

Кровью чертили, понял Гэбриэл, разглядев характерные потёки, *а после стёрли*. Кровь убрали, но чары так просто не стереть...

— Клерк? — предположил Гэбриэл вполголоса, но Морган покачала головой:

— У него нет магической печати. Подобный ритуал — не просто на перекрёстке фомора призвать. Такое мог сотворить только маг, вхожий в дом, да ещё остававшийся в нём без присмотра на длительное время.

— Подозреваю, обычным вопросом «кто желал жертве зла» задаваться бессмысленно, — сказал Льюис.

— Подозреваю, примерно четверть Ландэна, — мрачно заметил Гэбриэл. — Но условие про дом сужает поиски. Что он вообще тебе рассказал, Морган?

— Его отец работал на Скрэпера. Когда умер, кто-то должен был кормить семью. Знамя принял Генри.